

Жан Радваньи¹

ФРАНКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОРА СТЕРЕОТИПОВ?

С момента моего приезда в Москву в качестве директора Центра франко-российских исследований² вот уже больше года я не устаю удивляться тому, насколько часто СМИ, формирующие общественное

мнение России и Франции, при анализе и описании дел в другой стране прибегают к стереотипам. Почти каждую неделю я слышу, с теми или иными поправками, набор одних и тех же затверженных формул, сводящих происходящее в другой стране к нескольким образам, за последнее время крепко укоренившимся в общественном мнении наших двух государств.

¹ Директор Центра франко-российских исследований (Москва), профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж, Франция), доктор географических наук. Выпускник Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO) по кафедре русского языка. С 1972 года возглавлял Группу по изучению постсоветских государств, руководил Центром российских и евроазиатских исследований. Автор научных публикаций: «Постсоветские государства», «La nouvelle Russie», «Atlas du Monde diplomatique», «La Russie entre deux mondes», «Les Etats post-sovietiques», «Atlas geopolitique du Caucase» и др. Входит в научный совет Leibnitz Institut für Länderkunde в Лейпциге (Германия), а также в редакционную коллегию журнала «Slovo» (INALCO).

² См. сайт Центра: <http://www.centre-fr.net>

Сегодня для многих французов Москва и Россия представляются опасным местом, куда не всякий рискнет приехать. Образ Москвы не может не вызывать удивления: в этом постсоветском городе будто бы везде небезопасно, царит коррупция, орудуют грабители и мафиозные группировки, а сам он состоит из сплошных неблагополучных окраин. Со всем недавно одна моя знакомая, которую назначили

на должность в крупном французском банке в Москве, призналась мне, что попросту боится заступать на свой новый пост.

Однако образ Франции, который распространяют СМИ и большинство российских туристов, побывавших в Париже, не менее удивителен. Это цивилизация, вынужденная обороняться от нашествия «черных», арабских, «желтых» и прочих мигрантов, которые без зазрения совести бесчинствуют и придают огню улицы нашей древней столицы, как это случилось во время беспорядков 2005 года. Их присутствие будто бы означает конец истинной французской культуры, чья предполагаемая чистота на самом деле — просто миф, выкованный из подручных материалов при столкновении разных воображаемых. Как можно представить развитие французской культуры без питавших ее на протяжении столетий представителей других культур, иммигрантов: от итальянца Леонардо да Винчи, «приглашенного» ко двору Франциска I, до Ива Монтана, от испанца Пабло Пикассо до японца Леонада (Цугухару) Фуджиты, черных американцев Жозефины Бейкер и Арчи Шеппа, а также многих других, которых у меня нет времени упомянуть?¹

Само собой, мне возразят, что это все крайности, народные интерпретации, которые не отражают реальность, и что во франко-российских отношениях все не так плохо, о чем лучше всего свидетельствует множество мероприятий, организованных в 2010 году в рамках Года Франции в России и Года России во Франции. Конечно, в наших странах есть настоящие знатоки обеих культур, а сами они давно и крепко друг с другом связаны и переплетаются множеством нитей. К счастью, мы все еще можем назвать имена многих таких «посредников», мужчин и женщин, которые дорожат этими отношениями: переводчиков, деятелей культуры, исследователей разных дисциплин, представителей различных административных инстанций и регионов, которые продолжают распространять, обогащать и передавать наше общее наследие.

Однако постоянное муссирование этих образов в самых популярных СМИ: крупных газетах, на телевидении, в блогах — превратили их в общеизвестные истины, с которыми становится все сложнее бороться, несмотря на то что наши страны так близки друг другу географически, находясь на двух полюсах Европы, ищущей свои границы.

Есть много факторов, которые объясняют, почему процесс, ведущий к упрощению и огрублению образа Другого, зашел так далеко, что рискует перечеркнуть вековую традицию взаимопонимания и взаимного обогащения и создать пусть не враждебный (Франция не входит в число государств, в которых россияне, по данным опросов, видят угрозу), но искаженный и надолго деформированный образ друг друга.

Первый фактор связан с самими средствами массовой информации (я знаю, что этот вопрос уже неоднократно поднимался на ваших предыдущих встречах): нынешнее телевидение (особенно самые популярные каналы) больше не признает сложности. Ему

¹ См. по этому поводу выставку «Париж — 150 лет иммиграции» (8 февраля — 12 апреля 2010 г.), организованную Мэрией Парижа.

требуются короткие и простые передачи, сжатые и однозначные сообщения. Любые противоречия, альтернативные взгляды и сомнения ему глубоко чужды. Подобный подход также отражается на фильмах и телесериалах, которые в большинстве случаев превратились в стандартные упражнения вокруг нескольких вошедших в оборот тем. И когда какой-нибудь телесериал, как недавно «Школа», выбивается из этого ряда, его сразу же принимаются критиковать и, вне зависимости от популярности, снимают с эфира либо переставляют на менее рейтинговое время. Аналогичные примеры можно вспомнить и во Франции.

Интернет — более сложное пространство, где могут развиваться любые идеи, вплоть до самых еретических. Однако тут появляются поисковые системы — «генералы» этой Всемирной паутины, которые направляют наш выбор и подводят к стандартным результатам обычного пользователя, который часто не в состоянии предпринять более глубокие разыскания и критически, вдумчиво оценить поток противоречивой информации, которая отыскивается в Сети.

Особого внимания заслуживают лингвистические проблемы. Будучи профессором института, где преподают 85 языков и где уже столько десятилетий находится важнейший во Франции университетский центр по изучению русского языка и цивилизации, я прекрасно понимаю, сколь противоречивы процессы, идущие в этой сфере. С одной стороны (и это может прозвучать странно), Интернет, новые программы перевода и средства коммуникации сделали доступней множество языков, и давно обещанная гегемония английского языка как орудия мирового общения сегодня все более активно ставится под сомнение. С другой стороны, на практике мы фиксируем целый ряд процессов, которые одни считают нормальными, а другие воспринимают с огромным беспокойством.

Если всеобщая гегемония английского языка сегодня далеко не очевидна, приходится признать, что мир просто идет в сторону его огрубления. Во всех сферах деятельности — от туризма до международных конференций — все чаще звучит упрощенный, убогий английский, который просто не приспособлен для анализа и утонченных дискуссий, которые необходимы для понимания другого, его взглядов и особенностей.

По сути, этот процесс лишь воспроизводит общую тенденцию, характерную для большинства языков: их неизбежную трансформацию, колоссальное упрощение (как минимум в сфере повседневного общения) под влиянием новых средств коммуникации — Интернета с его блогами и в еще большей степени сотовых телефонов с их SMS. В этих кратких форматах орфография больше не имеет значения, а борьба за сохранение стандартизированного, учебного правописания исходно обречена на провал.

Помимо СМИ и орудий коммуникации, стоит обратить внимание на политическую практику наших стран и на то, какие методы наши лидеры считают возможным использовать для мобилизации общественного мнения. Дело в том, что государства все активнее действуют на этом поле по случаю национальных кампаний: будь то с краткосрочными поли-

тическими целями (предвыборная кампания, передача власти) или в рамках сложного календаря коммемораций, призванных укрепить в обществе национальный и патриотический консенсус (этот термин звучит и во Франции, и в России).

2009-й и 2010-й стали годами коммемораций: 70-летняя годовщина начала Второй мировой войны, 65-летняя годовщина победы союзников над гитлеровским режимом. В обеих странах эти две даты, с одной стороны, позволили напомнить молодым людям о значении той битвы, в которой наши народы сражались бок о бок (и которая в дальнейшем так укрепила наши отношения на всех уровнях), а с другой — спровоцировали общественную полемику. Так, у многих во Франции вызывает недоумение, почему наши власти не пригласили на мероприятия по случаю годовщины высадки союзников в Нормандии никого из высоких представителей России. Даже если СССР прямо не участвовал в этой операции, мы хорошо знаем его выдающуюся роль на другом фронте, а также помним, что множество советских граждан сражалось в рядах Сопротивления в самой Нормандии. Кроме того, острую полемику вызывают многие предложения правительства. Речь идет, например, об использовании в школьном курсе истории целого ряда символов, таких как письмо юного коммуниста Ги Моке, расстрелянного в Шатобриане, или предложение, чтобы каждый класс взял шефство над одним убитым еврейским ребенком.

В России внимательных наблюдателей не может не насторожить попытка использовать эти годовщины, чтобы вновь обелить образ Сталина и сталинизма, завуалировав страницы истории, которые кажутся неприглядными. Речь, естественно, идет не о том, чтобы отрицать роль СССР в победе над гитлеровской Германией или огромные жертвы, принесенные тогда народами Советского Союза. Я просто не думаю, что, вывесивая в Москве большие портреты Сталина, можно найти ответ на вопрос: «Что осталось от нашей победы?» (если вспомнить заголовок французского издания полемикального эссе Наталии Нарочницкой)¹. Опасно, да и, вероятно, тщетно пытаться консолидировать общество с помощью популяризации, табу и умолчания. Эта мысль относится

не только к России. Франции понадобились долгие годы, чтобы началось реальное признание роли коллаборационистского правительства Виши и его воздействия на наше общество. Вместо упрощения или ревизии истории я, признаюсь, предпочитаю смелый и трезвый взгляд Даниила Гранина и его «Непраздничных мыслей накануне Дня Великой Победы»².

Каждое поколение, без сомнения, должно знать собственную историю. Однако волюнтаристские, а порой и просто демагогические решения, упрощающие и манипулирующие тем или иным неоднозначным событием, лишь препятствуют пониманию прошлого. Недавно наш Центр организовал конференцию, посвященную проблеме «Истории, историков и власти», и я приглашаю вас прочесть тексты прозвучавших на ней докладов Пьера Нора, Бенжамена Стора, Александра Миллера или Изабелль де Кегель, которые говорили о различных траекториях национальной памяти и истории наших стран в контексте современных споров и интерпретаций³.

Наконец, как не высказать сожалений о том, что, несмотря на звучащие с обеих сторон обещания и усилия наших дипломатов, вопрос о поездках и визах остается столь сложным, в том числе для исследователей и студентов, которые хотели бы регулярно ездить в другую страну. Можно только мечтать о такой системе, как «Эрасмус» (для студентов) или «Сократ» (для преподавателей), которая бы действительно охватила все европейское пространство. Одно из главных достижений Евросоюза за последние годы — то, что тысячи студентов получили возможность непосредственно познакомиться с культурой, языком других европейских стран, несмотря на все трудности, связанные с недостаточным финансированием этих программ (что делает такие поездки не всегда доступными для семей со скромным достатком).

И поскольку ничто так не помогает бороться со стереотипами, как встречи и личное знакомство с жизнью другой страны, пожелаем, чтобы расширившаяся сеть «Эрасмус» соединила Россию и Францию и позволила бы молодежи преодолеть тот дефицит знаний друг о друге, которой сложился в последние десятилетия. Это было бы настоящим успехом Года Франции в России и Года России во Франции.

¹ *Narotchnitskaia N.* Que reste-t-il de notre victoire? Russie-Occident: le malentendu. P. : Editions des Syrtes, 2008.

² Известия. 2009. 8 мая.

³ На пример Pierre Nora, «Les avatars de l'identité nationale», *Le débat* № 159, mars 2010, в ожидании публикации некоторые материалы конференции доступны на сайте: <http://files.mail.ru/SFENVV>